

Примечания

¹ *Штенпан К.* Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.) // Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сборник статей. М.; СПб., 2016. С. 13–22.

² *Болотина Н.Ю.* Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Там же. С. 23–32; *Беспалая Е.В.* Последний путь странствующего Александра I // Там же. С. 49–62.

³ *Ибнеева Г.В.* Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий // Там же. С. 33–48.

⁴ *Филатова Н.М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды // Там же. С. 63–93.

⁵ *Шварц И.* О поездке Петра Великого в Прусбург // Там же. С. 83–93.

⁶ *Хаванова О.В.* Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещённого цесаревича // Там же. С. 94–109.

⁷ *Кирилина Л.А.* Александр I на Лайбахском конгрессе 1821 г. // Там же. С. 110–120.

⁸ *Тотфалушин В.П.* Саратовский эпизод «Венчания с Россией» цесаревича Александра Николаевича // Там же. С. 121–129.

⁹ *Клопова М.Э.* Николай II в Львове и Перемышле. Весна 1915 г. // Там же. С. 130–142.

¹⁰ *Топычканов А.В.* Кремлёвские резиденции vs подмосковные резиденции: зоны конфликта во второй половине XVII в. // Там же. С. 145–157.

¹¹ *Меркулов И.В.* Отечественная война 1812 года и Заграничные походы Русской армии в Записках и переписке государственного секретаря А.С. Шишкова // Там же. С. 158–176.

¹² *Каштанова О.С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи // Там же. С. 177–192.

¹³ *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер – летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Там же. С. 192–203.

¹⁴ *Соколовская О.В.* В гостях у королевы эллинов Ольги: вторая половина XIX – начало XX в. // Там же. С. 204–218.

¹⁵ *Кузьмичёва Л.В.* Семья великого князя Константина Константиновича Романова на балканских дорогах // Там же. С. 219–233.

¹⁶ *Струнина-Бородина Н.Г.* Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге // Там же. С. 234–250.

¹⁷ *Лескинен М.В.* «Императорский миф» о пребывании Романовых в Финляндии // Там же. С. 253–267.

¹⁸ *Левкиевская Е.Е.* Юбилейное путешествие Романовых 1913 г. на фоне имперских юбилеев: метафора пути // Там же. С. 268–280.

¹⁹ *Кульчар К.* Маршруты европейских государей... Типология путешествий XVIII в. на примере поездок герцога Альберта Саксен-Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины // Там же. С. 283–298.

²⁰ *Клевинг К., Джокич М.* Монаршие путешествия как путешествия власти: эмпирический опыт о владениях Иосифа II и Франца II (I) Габсбургов, 1768–1835 // Там же. С. 299–311.

Людмила Марней, Борис Носов

Рец. на: С.Л. Чернов. Casus Владимира Печерина. СПб.: Нестор-История, 2016. 480 с.

Liudmila Marney, Boris Nosov

(both – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: S.L. Chernov. Casus Vladimira Pecherina. Saint Petersburg, 2016

Жизненный путь, философское и литературное наследие В.С. Печерина давно уже стали одной из важнейших тем научного творчества известного специалиста по отечественной истории XIX в. Сергея Леонидовича Чернова, многие годы

преподающего в Московском университете и подготовившего не одно поколение российских историков.

К идейным исканиям Печерина Чернов обратился ещё в 1980-е гг. В 1989 г. в серии «Университетская библиотека» он

опубликовал печеринские «Замогильные записки (*Apoloigia pro vita mea*)», сопровождавшиеся обстоятельными комментариями¹. Как позже отметил сам публикатор, непростая история мемуаров и их пути к русским читателям побуждала выявлять новые источники и обращаться к обширной корреспонденции Владимира Сергеевича (с. 7–9). Замысел историка, потребовавший, без преувеличения, титанического труда, был воплощён в следующей книге Чернова, насчитывающей более 800 страниц и включающей переписку Печерина с родственниками и близкими друзьями (С.Ф. Поярковым, А.В. Никитенко, Ф.В. Чижовым и др.)². Опубликованные Черновым письма не только существенно дополнили представления о биографии Печерина, но и создавали яркую, детальную картину эпохи, свидетельствуя о том, насколько взгляды человека, «умершего для света», были востребованы мыслящей частью русского общества³. Примечательно, что это издание появилось почти ровно 100 лет спустя после выхода в свет знаменитого исследования М.О. Гершензона «Жизнь В.С. Печерина»⁴. Со своей стороны, отдавая должное одному из видных историков и мыслителей России начала XX в., Чернов в ряде случаев не только не соглашается с его выводами, но и подвергает их аргументированной критике.

«Causus Владимира Печерина» продолжает и по-своему завершает подготовленный Черновым триптих. В книге представлен корпус важнейших источников, характеризующих жизненный путь Печерина, его идейную эволюцию и окружение. Она состоит из вступительной статьи Чернова, документов, примечаний к ним и указателя имён. Чернов провёл большую работу по выявлению ранее не публиковавшихся текстов в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Им были тщательно изучены фонды М.О. Гершензона (ф. 130), А.В. Никитенко (ф. 357) и В.С. Печерина (ф. 372) в РГАЛИ, Строгановых (ф. 1278) – в РГАДА, Ф.В. Чижова (ф. 332) – в Отделе рукописей РГБ, И.Т. Яковлева (ф. 896) – в Отделе рукописей РНБ. Большой интерес представляют связанные с Печериним материалы официального делопроизводства,

обнаруженные исследователем в РГИА – в фондах Департамента Министерства народного просвещения (ф. 733) и Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (ф. 1151), и в ЦГА Москвы – в фондах Московского императорского университета (ф. 418) и попечителя Московского университета и его округа и канцелярии попечителя Московского учебного округа (ф. 459). В книге также приведены важнейшие из ранее публиковавшихся источников, в том числе «путевые заметки» Печерина, «отрывки из дневников А.В. Никитенко, Ф.В. Чижова, Н.И. Пирогова» (с. 89–90), относящиеся ко времени учёбы Владимира Сергеевича в Берлинском университете, краткого преподавания в Москве и последовавшего затем отъезда за границу.

Проделанная Черновым работа заставляет вновь задуматься над вопросом, заданным некогда Никитенко: смог ли Печерин, обладавший всеми «задатками доблести», «с истинно поэтической душой» выйти победителем «в борьбе со злом?» (с. 94). Представленные в книге свидетельства погружают читателя в духовные кризисы, пережитые Печериним и отразившиеся в его корреспонденции. В 1830-е гг., во время служебной поездки за границу, кардинально изменилось его мировоззрение, что привело в 1836 г., после непродолжительного возвращения на родину, к решению окончательно покинуть Россию и остаться в Европе. В 1840-е гг. разочарования в революционерах и революционных идеалах приводят его к католицизму, монашеству и принятию сана. В 1850–1860-е гг. он уходит из ордена редемптористов и становится капелланом «при одной из главных больниц города Дублина – *Mater Misericordiae*». Как полагает Чернов, религиозные переживания не оставляли Печерина до самой смерти в 1885 г., но в конце жизни они не были уже столь разрушительны для его ищущей души, как прежде (с. 48–52).

При этом, в отличие от многих своих предшественников, Чернов вовсе не склонен приписывать Владимиру Сергеевичу те движения души и мысли, которые не прослеживаются в источниках. «Загадка

Печерина», по мнению историка, скорее всего, останется неразгаданной. Ведь так интересно наблюдать за жизнью человека, который «не был ни учёным, ни поэтом, ни литературным критиком, ни переводчиком, ни философом, ни мыслителем» и даже не претендовал на это. «В историографии, — пишет Чернов, — ему без достаточных оснований приписаны те черты и качества, коими он не обладал, придано то значение, которого он не имел, то место, которого не занимал, иначе говоря, он представлен тем, кем в сущности никогда не был и быть не мог. Писавшие о нём проявили удивительную склонность к мифотворчеству» (с. 79).

Эта оценка Печерина как нельзя лучше характеризует Чернова, которому удалось абстрагироваться от своего персонажа и беспристрастно рассмотреть все непростые перипетии его жизни. По сути, Чернов развенчивает многочисленные домыслы о бунте Печерина «против заурядной жизни» (с. 79), раскрывая сложность и многогранность формирования индивидуального и общественного сознания в России в середине и второй половине XIX в. Вместе с тем позиция автора не навязывается читателю, который, знакомясь с собранными в книге источниками, может составить собственное мнение о взлётах и падениях Печерина, начиная с детства и юности, когда на смену желанию стать преподавателем и посвятить себя наукам приходят погружение в религию и обращение в католицизм. Поиски Печерина в «дублинский период» завершаются «пребыванием в конгрегации и исполнением пастырских обязанностей», но больше всего его увлекает в эти годы «переписка с российскими корреспондентами», посвящённая «критике католической церкви и католического духовенства» и «обсуждению будущности России» (с. 79–81).

Публицистика, мемуарное и эпистолярное наследие Печерина хорошо известны литературоведам и историкам, изучающим развитие русской общественной мысли середины – второй половины XIX в. Но для широкого круга читателей Печерин, конечно, находится в тени своих более известных современников – П.Я. Чаадаева,

А.С. Хомякова, братьев И.В. и П.В. Киреевских, К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелёва, В.И. Даля, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьёва, П.В. Анненкова, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и др. Поэтому осуществление столь обширной публикации документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, нельзя не признать значительным вкладом в изучение воззрений одного из наиболее противоречивых русских деятелей XIX в. Высокий научный уровень издания достигнут благодаря подлинному профессионализму и многолетнему труду Чернова, которого отличает scrupulousное соблюдение археографических правил, составление подробнейших комментариев, в некоторых случаях, возможно, чрезмерных, но неизменно демонстрирующих широчайшую эрудицию автора и глубину его проникновения в предмет своего исследования. Конечно, в книге встречаются и отдельные недочёты, но они носят скорее технический, а не содержательный характер.

Особо следует отметить вступительную статью С.Л. Чернова «Голый король», которая фактически является небольшой монографией, важной для понимания трагической судьбы В.С. Печерина. В ней на фоне «целой галереи “лишних людей” русской литературы» рассмотрены «все стадии духовного и интеллектуального оскудения» «опустившейся души» «действительно жившего в ту же эпоху человека». Покинув Россию, он стал человеком Европы, но после добровольной эмиграции и последовавшей в 1885 г. кончины фактически вернулся в Россию – в историю русской общественной мысли и «русского мира».

Примечания

¹ Печерин В.С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989. С. 381–415.

² Печерин В.С. *Apologia pro vita mea*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / Отв. ред. и сост. С.Л. Чернов. СПб., 2011.

³ Там же. С. 799–800.

⁴ Гершензон М.О. Жизнь В.С. Печерина. М., 1910.